

Кики де Монпарнас и Иван Мозжухин

Г.Е. Долматовская

доктор искусствоведения, профессор

Статья посвящена истории взаимоотношений известнейших представителей парижской богемы 1920-х годов. За строками писем одной из самых знаменитых фигур того времени, прозванной Кики де Монпарнас, приоткрываются малоизвестные страницы истории кино, сопряженные с именем великого актера Ивана Мозжухина.

АННОТАЦИЯ УДК 778.5с(р)09)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

парижская
богема,
безумные 1920-е,
любовь, Кики де
Монпарнас,
Иван Мозжухин

Парижские «безумные 20-е» никак не выходят из моды, и потому отель «Истрия» на перекрестке бульваров Монпарнас и Распай теперь в ряду столичных достопримечательностей. Он сохранился таким же, каким его застали прежние постояльцы — Маяковский:

*Я стучаюсь
о стол,
о шкафа острия —
четыре метра ежедневно мерь.
Мне тесно здесь
в отеле «Istria» —
на коротышке
rue Campagne-Première¹.*

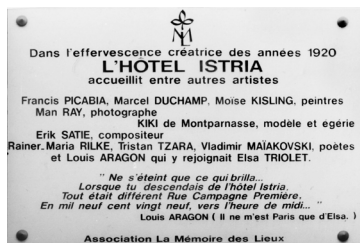
¹ Владимир Маяковский. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. 3. — М.: Изд-во «Правда», 1972. С. 146.

² Эльза Триоле. Заглянуть в прошлое. В сборнике «Имя этой теме: любовь!» Современницы о Маяковском. — М.: Дружба народов, 1993. С. 62.

Эльза Триоле: ««Истрия» изнутри похожа на башню: узкая лестничная клетка с узкой лестницей... Все комнаты в резко-полосатых, как матрацы, обоях, в каждой — двуспальная железная кровать, ночной столик, столик у окна, два стула, зеркальный шкаф, умывальник с горячей водой, на полу потертый желтый бобрик с разводами. Из людей известных там в то время жили: художник-дадаист Пикабия с женой, художник Марсель Дюшан, сюрреалист-фотограф Ман Рей со знаменитой в Париже девушкой, бывшей моделью, по имени Кики и т. д.»².

Сегодня комнатки столь же малы и темноваты, железные кровати заменены деревянными, а холл отеля украшают фотографии той самой девушки, сделанные Ман Реем и хранящиеся теперь

во многих мировых музеях современного искусства. Еще лет десять назад портье охотно выкладывал груды книг, посвященных славным постояльцам отеля, ведь тот взлет молодых дерзких талантов, от чего ведут отсчет многие «измы» в истории культуры, значится в ряду счастливых ее мгновений.

Памятная доска на отеле Истрия, где отдельной строкой — Кики де Монпарнас

Вслед за последним «европейским» ремонтом, изрядно нарастившим цену крошечных номеров, любезный портье покинул «Истрию», забрав и все книги, повествующие о ее истории. Теперь о прошлом свидетельствуют только вышеупомянутые фотографии — к ним прибавились еще и портреты самого Ман Рея и один из последних снимков Луи Арагона и Эльзы Триоле, ведь именно в этих стенах Арагон познакомился со своей Музой, но все ж главный акцент на портретах Музы Ман Рея.

Девушка, глядящая со стен музеев, с обложек глазированных изданий, сувенирных тарелок, с витрин самых разных магазинов, — стала символом безумных, блестящих, бессмертных двадцатых.

Ее полный титул, данный ей парижской богемой, — Кики де Монпарнас. До восшествия на эту вершину — Алис Прен, дочь линотипистки и угольщика из Бургундии. В тринадцать лет мать уже забрала ее из школы, ради недельного заработка в 50 сантимов ученицы-брошюровщицы. Книжное дело вскоре было оставлено. На фабричке, где чинили солдатские башмаки, платили куда лучше — шла Первая мировая. Девочку рано стала занимать ее внешность: туалеты с «блошиного рынка» и лепестки герани для румянца щек и алости губ должны были сделать ее восхитительной. Впрочем новое замужество матери превратило ее в Золушку без надежды стать принцессой, Алис взбунтовалась, ища свой путь, она поведала о своих горестях старику-скульптору, которому стала служить моделью. Сеансы прервались очень скоро. Добрые люди разобьяснили матери, что дочь восседает голышом перед мужчиной, и мать, разъяренная, ворвалась в ателье, не выбирая слов, среди которых — «у меня нет больше дочери» — оказались роковыми для девочки. Но Кики уже знала: за такие уроки рисования могут и накормить, и заплатить. Ее тело и лицо стали предметом искусства — не успев стать расхожим уличным товаром, не успев растерять в нищете то свечение спелого винограда, которое несла ее редкостного цвета кожа.

Человечество до сего дня теряется в догадках, что сделало Кики столь неотвратимо привлекательной. Застенчивость на грани кокетства? Абсолютная естественность, всегдашняя крестьянская свежесть, казалось бы несовместимая с бурным образом жизни?

Дерзость, раскованность? Чтобы уж ничем не стеснять себя, она обходилась без нижнего белья, и это тоже горячо обсуждалось, засчитывалось как естественность, хотя у другой сошло бы за вульгарность. Впрочем, это на взгляд парижских интеллектуалов. У полиции на этот счет мнение было иное, и Ман Рею случалось вызволять ее, задержанную как проститутку.

А может ее делала притягательной одаренность во всем, за что бы она ни бралась, — петь, танцевать, позировать, рисовать, сочинять, сниматься в кино? Париж 1920-х — это глаза Кики, губы Кики, тело Кики, на холстах и фотографиях, на киноэкране, в бронзе и в глине... Редкий авангардист избегал соблазна оставить потомкам свое

Афиша выставки работ Кики

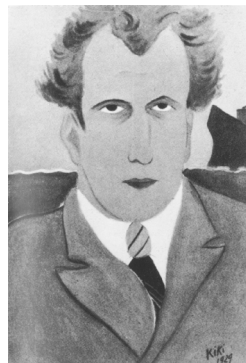

На обложке книги «Париж Монпарнас» картина Кислинга «Бюст Кики» (1927)

На обложке книги «Кики и Монпарнас» фотография Кики, сделанная Ман Реєм

видение этого столь далекого и от совершенства и от декадентских изысков существа. Кажется, сегодня известны все подробности ее биографии, ее мама, ее бабушка, ее собачка Пеки. Ее мемуары опубликованы в Европе и Америке, хотя Хемингуэй, написавший предисловие к американскому изданию, утверждал, что переводить Кики — преступление. Выставки ее пейзажей, портретов и рисунков стали сенсацией в Европе, потом перенесли за океан. В Москве, в Музее Сергея Эйзенштейна хранится портрет режиссера, написанный Кики и подаренный ею. Отель «Истрия», где кроме упомянутых Эльзой Триоле, обитали многие интеллектуалы, чьи имена сверкали в те годы дерзких открытий в литературе и искусстве, теперь отмечен мемориальной доской, говорящей среди других о Луи Арагоне и Эльзе Триоле, художнике Кислинге и композиторе

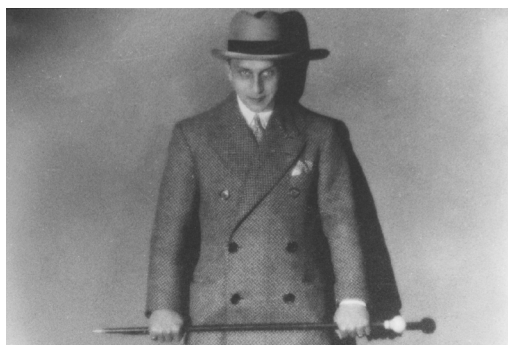
Портрет С. Эйзенштейна

Эрике Сати, Маяковском, Рильке и Тцара, — отдельной строкой выделена Кики де Монпарнас.

В одной из книг можно найти брошенное мимоходом замечание, как эффектно выглядела она, проносясь в открытой спортивной машине со знаменитым русским актером Иваном Можухиным.

За этой строчкой кроется одна из самых романтических страниц в жизни королевы Монпарнаса, практически «нерасшифрованная» ее многочисленными биографами. Кики в это время выступала с восточными танцами в баре «Жокей», здесь же на Кампань-Премьер. (В названии бара есть некий вызов парижской богемы снобистскому Жокей-клубу на Елисейских полях, где царствовали англичане.) Можухин после эмиграции всего лишь четвертый год во Франции, он переходит из фильма в фильм и в роли актера, и в роли режиссера, каждая последующая лента наращивает его славу. Пресса на все лады пишет о свежей крови, обновившей французский кинематограф, о замечательной «русской

школе», и первым среди этих восторгов значится имя Можухина, прилагательными к которому служат в русском языке однокоренные слова — «великолепный», «великий». Он только что сыграл английского актера Кина в картине по пьесе Александра Дюма-отца «Кин, или Гений и беспутство» и теперь являет собой символ успеха среди населяющей Монпарнас интернациональ-

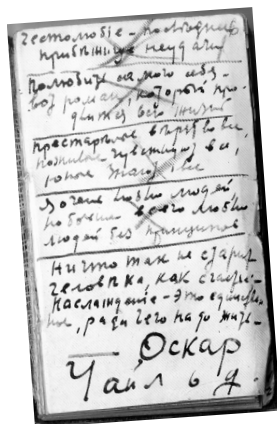
Иван Можухин — покоритель сердец

ной толпы, без разбора именуемой «богемой». То ли он и в жизни проигрывает своего Кина, то ли Кин переплелся с Иваном.

«Блистательный, сероглазый, обожаемый Европой, удачливый, легко побеждающий на сцене и в жизни... покоритель сердец и мужских и женских... Его огромные заработки позволяли ему все. Он как бы не замечал денег... Он любил компании и платил за всех. Деньги лились как вода, — пишет Александр Вертинский. — Вино, женщины, друзья — это было главное, что его интересовало. Потом книги. К остальному он был равнодушен. Он никого не любил».³

Воспоминания современников редко свободны от духа соперничества, чтобы не сказать зависти. Впрочем, в ту пору соперников у Можухина нет. Образ же Можухина дорисовывают его записные книжки. Из одной в другую он переносит афоризм Оскара Уайльда: «Полюби самого себя, вот роман, который

³ Вертинский А. За кулисами. Советский фонд культуры. — М., 1991. С. 125–126; 130–131.

Записная книжка
Ивана Мозжухина
с афоризмами
Оскара Уайльда

⁴ РГАЛИ, фонд 2632,
ед.хранения 149,
опись 1.

⁵ Хемингуэй Э.
Собрание
сочинений. т.4. — М.:
Художественная
литература, 1982.
С. 211.

продлится всю жизнь»⁴. Но каждая влюбленная в этого Дориана Грея женщина о тех записях не ведает. Природный артистизм Ивана и навыки Дон Жуана помогают им обманываться.

Конечно, они неминуемо должны были встретиться в водовороте Монпарнаса, два покорителя этой вершины — Кики и Мозжухин. Оба несвободны. Имя Кики прочно связано с Ман Реем, который своими фотографиями, возведенными в ранг высокого искусства, прославил Кики. Имя же Мозжухина соседствует с актрисой Натальей Лисенко. Звездная пара русского кино — теперь звезды кино французского. Строгий нрав красавицы Лисенко не останавливает Мозжухина в его приключениях, возникающих почти на каждой съемочной

площадке, но заставляет быть осмотрительным. Он никогда не афиширует свои романы, следуя железному правилу — предполагать могут, что угодно, от него же никто не узнает ничего. А Кики безоглядно бросается в омут. Она простаивает у окна: не появится ли на коротенькой улочке Кампань-Премьер желтый спортивный автомобиль, чтобы умчать ее в мозжухинскую гарсоньерку, набитую прелестными мелочами. Его холостые квартиры всегда изысканы, всегда в хороших районах и так отличаются от беспечного быта интеллектуалов из отеля «Истрия». Да и зачем он им, этот быт, когда жизнь протекает в кафе «Куполь», «Ротонда», «Дом», «Клозери де Лиля». «...В какой-то мере эти кафе дарили такое же кратковременное бессмертие, как столбцы газетной хроники»⁵, — напишет Хемингуэй, летописец тех бесшабашных дней в «Празднике, который всегда с тобой».

Кики шлет Мозжухину письмо за письмом, на любом оказавшемся под рукой клочке бумаги. Серые листки, исписанные не-терпеливым карандашом, так непохожи на веленевые страницы, украшенные затейливыми вензелями других влюбленных корреспондентов актера. Время и место, помеченные в посланиях, говорят, что это скоропись между выступлениями в «Жокее». Поначалу Кики еще кокетничает — озорство женщины, пока не знающей поражений.

Из писем:

«Жокей», вторник вечером.

«Конечно, жизнь ваша прекрасна. Моя тоже должна бы считаться прекрасной. Но представьте себе, дорогой господин, что я влюбилась. Глупо, не правда ли, глупее некуда, потому что я безнадежно влюблена, а этот мужчина стал редко бывать у нас.

⁶ РГАЛИ, фонд 2632, ед. хранения 179, опись 1, л. 8.

Уже почти месяц, как я его не видела... Он так красив, умен, это настоящее чудо, но я думаю, он слегка пресыщенный скептик и кутила. Жаль. Он испортит себе здоровье. Скажите, чтобы он зашел ко мне в последний раз, потому что я обязательно встречу другого человека и забуду его... Его зовут... Кин...»⁶.

«Жокей», суббота, 2 часа ночи.

«Господин мой Кин,

Я была уверена, что увижу Вас сегодня вечером с Вашим другом режиссером. Ладно, я привыкла ждать Вас каждый вечер уже почти месяц. Хотите с точностью до дня?.. Я только что совершила кражу. Я поднялась в комнату хозяев “Жокея”, там висит много Ваших снимков на стене. Я взяла нож и вырезала Ваше лицо с выражением мученическим и энергичным. Как ты красив, при одной только мысли я уже умираю от наслаждения. Я люблю тебя, гадина, злюка. Музыка поет в “Жокее”, а мое сердце там плачет. Мне хочется плакать, но нужно смеяться. В “Жокее” люди не поймут, что Кики влюблена. То-то было бы веселье, хочотали бы как сумасшедшие»⁷.

⁷ Там же. Л. 9

Воскресенье вечером, «Жокей».

«Мой любимый Кин,

Могу ли я так называть тебя? Мы так быстро расстались сегодня. Надеюсь у мадам Натали не так болят глаза, как Вы мне сказали сегодня утром»

(Мозжухин и в этой ситуации соблюдает приличия по отношению к Наталье Лисенко. — Г.Д.)

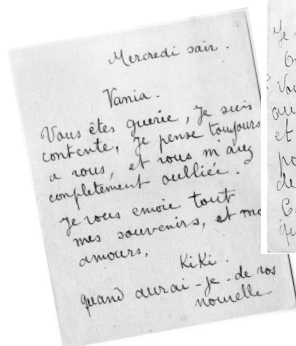
«Знаешь любимый, я не забыла эту прекрасную ночь любви.

Это было безумие, если бы ты видел, какое у меня сегодня лицо, усталые глаза. Все спрашивают отчего. Если бы они знали, что это ты, мой Кин, владел мною всю ночь. Похоже на сон. Я не верю, что познала тебя, что это вообще возможно. Когда я снова увижу твоё прекрасное энергичное лицо, глаза, которые заставляют меня трепетать. Я так нервничаю сегодня вечером... Нет Кина... Как я тебя желаю, приди, мой Кин. Я хочу кусать тебя, бить, о как ты меня возбуждаешь. Я хочу. Я целую долго-долго твой рот»⁸.

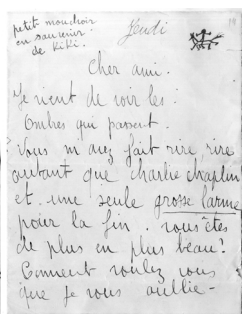
⁸ Там же. Л. 11.

Четверг.

«Я только что смотрела “Проходящие тени”. Вы заставили меня смеяться, смеяться, как если бы это был Чарли Чаплин, и только в финале я уронила слезу. И Вы хотите, чтобы я Вас забыла. Фильм замечательный. Начало меня восхитило, хотела бы

⁹ Там же. Л. 14–15

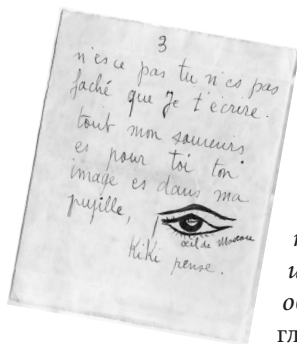

я видеть Вас в таком настроении, которое так Вам идет»⁹.

В «Проходящих тенях» молодые супруги узнают, что им свалилось наследство от умершего дядюшки. Мозжухин и его белокурая партнерша Андре Брабан играют легко, весело, заражая своими милыми дурачествами зал, оба ослепительны в сиянии молодости, красоты, любви. Как это не раз случалось с Мозжухиным, экранная партнерша становится его любовницей между съемками. Однако по сюжету фильма ситуация перевернута наоборот: он влюбляется и любим другой героиней (Наталья Лисенко). Мозжухин с легкой самоиронией играет вечную мужскую растерянность в условиях традиционного любовного треугольника. Лисенко в картине возвращает его жене, узнав, что та ждет ребенка, а сама уходит в бурное море, и только ее вуалевый шарф, зацепившись за скалу, бьется на ветру, как черный флаг беды.

Интуиция подсказывает Кики, **что** могло питать чудесное настроение героя в кадре. Ее мучают дурные предчувствия, она просит его вернуть ее кольцо-талисман: «Мне теперь во всем не везет. Верните мне его скорее, и я стану счастливее, потому что я очень суетерна, верните, если даже его не починили... Вы купаетесь в славе, Вам отпущены все радости жизни, а Вы можете оставить чуть-чуть счастья там, где прошли, Кин, моя самая большая любовь...»¹⁰.

¹⁰ Там же. Л. 14–14 об.15.

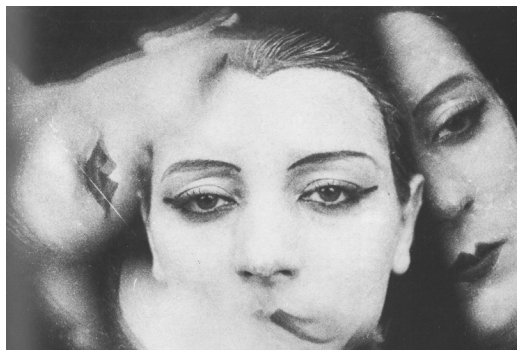
¹¹ Там же. Л.19.

Письма Кики нагоняют друг друга, иногда два в день, вернее, ночь. «Жокей» — ночной бар, и потому до трех часов дня, а то и позже Кики еще в постели за непривычным занятием: она ловит из газет все известия о своем Иване, утешая себя тем, что он много работает. «Я знаю, у Вас нет времени писать, пошлите просто конверт с листком бумаги, орошенным Вашими духами. Вы мое воспоминание, твой образ в моем зрачке»¹¹. И, сбивая пафос, Кики рисует глаз, на зрачке надпись — Кин, а внизу (оказывается, еще в 1920-е известная формула) — *глаз Москвы*¹².

Идет 1924 год. Кики 23 года. Кинематографический авангард на все лады тиражирует достоинства Кики. У Фернана Леже в знаменитом «Механическом балете» работает ее лицо —

¹² Там же. Л.18 об.

поворот головы, глаза, губы, улыбка. В «Галерее чудовищ» у Жана Катлена играет Кики-баядерка, исполнительница танца живота, Кики здесь под собственным именем, подтверждая тем самым неимоверную свою популярность. В «Бесчеловечной» у Марселя Л'Эрбье — главное в кадре ее полноватые по моде тех лет и такие

Кики в
«Механическом
балете» Фернана
Леже —
хрестоматийные
кадры

соблазнительные ножки. Для нее же нет сейчас ничего важнее ее любви. Мозжухин приближается к своему 35-летию, он в самом расцвете красоты, и Кики, такая отчаянно знаменитая, для него как розетка ордена Почетного легиона в петлице, как подтверждение, что все лучшее в Париже принадлежит ему. Париж покорен. Нет, конечно, она не только тешит его самолюбие, но и увлекает. И он и она снимаются

у лучших французских режиссеров Жана Эпштейна, Марселя Л'Эрбье, ее суждения о кино смелы и оригинальны, с ней, несмотря на свой неуверенный французский язык, он чувствует себя французом. А она любит в нем русского Ваню и, награжденная природным слухом, уже повторяет русские слова.

И вообще они чем-то схожи, может быть равнодушием к деньгам. Кажется, Кики одна поняла его как раз в то время, когда все обсуждали и осуждали его за отказ сыграть роль Наполеона в великом фильме Абея Ганса. Отказ мотивировался «несовпадением материальных условий». Но конечно же не гонорар как таковой был причиной отказа. Уйти сниматься на два года, когда ты на самом взлете, с всегдашним актерским риском, что тебя забудут, снизить свои ставки ради еще неизвестного триумфа. Это может понять лишь равный в славе. Потом окажется, что он проиграл, именно отказавшись. «Наполеон» вошел в недлинный список лучших фильмов всех времен и народов, увы, без Мозжухина, и тень императора будет странным образом всегда напоминать об ошибке. То съемки на Корсике, то жизнь в отеле «Наполеон» неподалеку от Триумфальной арки, и даже когда на закате славы «Наполеон» стал ему не по карману, он все-таки оставил его как престижный адрес для корреспонденции и получал ее здесь же в баре, украшенном фигуркой великого корсиканца. Но это будет потом, а пока ему кажется, он прав во всех своих деяниях, он в вихре славы, всеобщей влюбленности. И Кики не единственная, а лишь одна из...

Кстати сказать, она чем-то похожа на первую юношескую его любовь в России — Ольгу Телегину, по сцене Броницкую, оставленную с сыном Шуриком ради Натальи Лисенко. Однако московский адрес Каланчевская, 2, где теперь в бедности живет Ольга с их сыном тоже переходит из одной записной книжки в другую. Иногда он шлет на этот адрес посылки и деньги. Но чем крепче утверждается новая государственная власть, тем больше опасается Ольга «связи с границей», — посылку с ботинками для подросткового Шурика она сдает в НКВД.

Но это все там, в России, откуда идут отчаянные письма от родных, сдобренные, правда, известиями, что его французские фильмы выходят на экран вскоре вслед за Парижем. А здесь, в Париже, любовь Кики набрасывается на него с такой страстью, которая и льстит, и пугает.

«Я буду ждать, Кин, я буду ждать тебя дурачок. Я тебя люблю, люблю, подо мной пол горит желанием тебя, тебя, тебя. Я могу и убить для тебя. Иди скорее поддержи мою надежду своими красивыми письмецами»¹³. Уже из следующего письма Кики очевидно, что Мозжухин пытается остудить ее страсть, даже досадует на чрезмерную пылкость обрушившихся на него излияний. Кики просит у него прощения за свою экзальтированность, и простодушно признается: «Я так рада, что люблю тебя, и не стоит досадовать на то, что ты так любим. Ты любим всеми, но другой любовью, я же...»¹⁴. И снова нескончаемый поток нежности. Профессиональный герой-любовник, он же лишь одну страсть ставит превыше всех плотских наслаждений — кино. Ничего нет дороже кино, ничто не должно посягать на его время в кино, все остальное лишь между прочим. И оттого письма Кики становятся все отчаяннее.

Из писем:

Четверг, 3-е, вечер, 1 час.

«Мое тихое безумие, Кин... Злой, неверный. Каждый вечер я хватаюсь за трубку, чтобы Вам позвонить и бросаю ее, не зная, что сказать. От волнения я лишилась голоса. Я боюсь мешать Вам и боюсь услышать Ваш властный и резкий голос. Ты меня пугаешь, ты какой-то странный, нереальный, и как ты прекрасен, особенно нагой, я вспоминаю тебя с наслаждением, мой маленький идол, и глаза мои все ищут и ищут маленькую желтую машинку. Завтра снимаюсь у Л'Эрбье и Кавальканти. Я очень рада. "Альбатрос"¹⁵ меня уже забыл?»¹⁶.

Кики снялась у режиссера Жана Эпштейна в фильме этой студии «Лев Моголов», где главные роли исполняли Мозжухин и

¹³ Там же. Л.20.

¹⁴ Там же. Л.23.

¹⁵ Студия, созданная русскими эмигрантами в парижском пригороде Монтрей и выпустившая в начале 20-х обильный фильм, обогативших французское кино. — Прим. авт.

¹⁶ РГАЛИ, фонд 2632, ед. хранения 179, опись 1. С. 33–34.

Лисенко, Кики же мелькнула (или блеснула своим прославленным телом натурщицы) в роли одалиски. Славы роль ей прибавить не могла, Кики и так у всех на устах, но зато она могла видеть не балующего ее своими визитами кумира, которого она продолжает в письмах молить появиться хоть раз, и клянется никогда больше не влюбляться, потому что страдает и грустит.

В очередном письме она опять напоминает о невозвращенном кольце, и в уголке предпосылает приписку: если тебе надоело, что я пишу, скажи мне об этом. Мимоходом Кики упоминает про свою вчерашнюю съемку в «Бесчеловечной» Л'Эрбье: *«Сцена маленькая, я почти голая, с крошечными плавками. Так как сцена нелепая, я не хотела сниматься, ну да ладно, увижу уже прямо в кинотеатре Мариво. А ты много работаешь, Кин, я знаю... Пожалуй, я предпочитаю Эпштейна Л'Эрбье в качестве режиссера. Л'Эрбье гасит во мне всякое вдохновение. Он ледяной, к тому же он пед...ст, так что я ему, видимо, порчу товар?»*¹⁷.

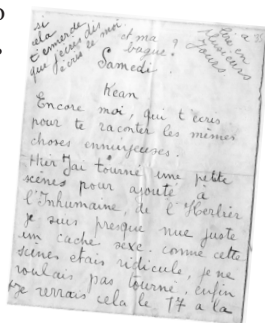
¹⁷ Там же. С.35–35 об.

Возможно, Кики лютует потому, что изысканнейший французский режиссер, увидев поставленный и сыгранный Мозжухиным фильм «Костер пылающий», задался целью сделать с ним картину, где актер сыграл бы по крайней мере две роли. И теперь его мечта приближалась к реальности. Он экранизирует роман Луиджи Пиранделло «Покойный Маттиас Паскаль», где Мозжухин играет две роли, с легкостью переходя от одного жанра к другому, от смеха к слезам. Публика не могла не уловить, — рассказывает Л'Эрбье, — его сходства сразу с двумя актерами — Чарли Чаплином и Джоном Барримором, но речь все время шла только об одном Иване, гении с двумя лицами. Мозжухин увлечен фильмом, в промежутке занят привычными кутежами и все меньше достижим для Кики, буквально сводя ее с ума. Она приписывает ему все пороки, весь разврат мира, чтобы заставить себя избавиться от наваждения. *«Я забываю цвет твоих глаз. Не пачкай пальцы ручкой, не пиши мне, злой безумец Кин»*¹⁸.

¹⁸ Там же. Л.36 об.

И через неделю: *«Я схожу с ума, ты не приходишь, но черкни, хоть слово... Я очень страдаю, Ваня. Пожалей меня. Если я вижу тебя одну минуту, только одну минуту, это целая жизнь для меня. Приди, Кин, Ваня. Я тебя л..., я тебя л... Кики»*¹⁹.

¹⁹ Там же. Л.40–40 об.

* * *

Сегодня, когда самые незначительные рисунки, записки, письма Кики имеют аукционную ценность, когда каждая находка

такого рода воспроизводится в книгах, приходится изумляться, как фанаты-поклонники Кики пропустили пачку этих писем, сохранивших и ее орфографию, с которой Кики не сильно церемонилась, и ее рисунки, и посланные Ивану Ильичу фотографии. Видимо, просто никому не пришло в голову искать в России следы Кики, где она известна лишь искусствоведам, никак не широкой публике. (На ее письма в своих работах обратили внимание Нея Зоркая и Наталья Нусинова.) Так или иначе, но приводимые здесь строки, написанные чаще карандашом, реже лиловыми чернилами женщины-легенды Кики де Монпарнас репринтно воспроизводятся впервые. Они остались в личном архиве Ивана Ильича, перевезенном в Россию вдовой его брата, певца Александра Мозжухина (прозванного вторым Шалапиным), после того как оба брата легли под скромный крест на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Чем же закончился пылкий роман Кики и достаточно вялый роман Мозжухина? Тщетно уговаривая себя, что, вот, уже почти разлюбила, она все лила слезы не в силах отказаться от надежды хотя бы изредка видеть эти холодноватые серые глаза. Среди бумаг Мозжухина сохранился черновик одного из его писем, написанных по-французски. Он всегда вынуждал себя сначала попробовать на трудно поддающемся языке. На письме нет даты и нет имени адресата, однако, зная всю хранимую «Дон Жуаном немого кино», как его называли, любовную переписку, можно утверждать, что именно по такой схеме великий любовник расставался со своими дамами. Все упреки обращены только к себе, дама никогда не оскорблена и может даже поддаться иллюзии, что не она брошена, а он... *«Не сердитесь на меня и простите, прошу Вас. Я понимаю, как грубо и неуместно вел себя. Мне стыдно. Я остался один. Умоляю, скажите мне не медля и прямо, вернуть ли Ваши письма и кольцо. (Сюжет с кольцом повторяется и в последующих романах Мозжухина.) Я не знаю, что делать и куда бежать. Примите заверения...»*²⁰ и т. п.

★ *Приводимые здесь письма публикуются с разрешения семьи сына Ивана Ильича Мозжухина.* ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Billy Klüver, Julie Martin. Kiki et Montparnasse 1900-1930. Traduit de l'américain par Edith Ochs. Flammarion, 1998. — 264 p.
2. Valérie Bougault. Paris Montparnasse Ed. Terrail, 1996. — 207 p.
3. Зоркая Н.М. Иван Мозжухин. — М.: Знание, 1990. — 55 с.
4. Наталья Нусинова. Когда мы в Россию вернемся... — М.: НИИК, Эйзенштейновский центр исследования кинокультуры, 2003. — 463 с.

²⁰ РГАЛИ, фонд 2632
ед. хранения 152
опись 1.